

С. В. Рассказов

**«КАРТА ЧАСТИ СИБИРИ ОТ СОЛИ КАМСКОЙ
ДО ТОБОЛЬСКА»: ГРАНИЦЫ РЕГИОНОВ
И СУБРЕГИОНОВ, КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ
ОБРАЗЫ, ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ,
ДОСТОВЕРНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ КАРТЫ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОПРОСОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ ТРАНСПОРТА***

Статья посвящена одной из карт «Атласа Российского» 1745 г.¹

Сибирь и ее границы в воображаемой географии XVIII в. С точки зрения современного популярного географического знания «Карта части Сибири от Соли Камской до Тобольска» представляет собой карту Среднего Урала и крайнего запада Западной Сибири. Однако автор назвал данную карту иначе, отнеся в том числе Соликамск, лежащий к западу от Уральского хребта, к Сибири². Подобный взгляд подтверждает

* Работа над статьей выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-31-01248.

¹ Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною притом генеральною картою великия сея Империи / Старанием и трудами Имп. Академии наук. СПб.: Типография Академии наук, 1745. 20 с., 20 л. карт с. л. № 12. Место хранения: РГБ. МК АН-2^о/45-А. Далее — «Атлас Российский...».

² В оглавлении расширенной черно-белой электронной копии Атласа (Ко 106/V-5) дается дополнительный комментарий: [Карта] «Содержит находящиеся в Сибири между Солью-Камскою и Тобольским места с Екатеринбургским и Уфимским дистриктами».

целый ряд картографических и текстовых источников XVIII в. В данном случае вряд ли будет уместным подробный анализ картографических образов³ Сибири из этих источников — в некотором роде это тема отдельной работы, требующая специального отбора материалов, однако можно указать на некоторые их характерные черты.

Доступные нам источники XVIII в. вообще не упоминают Урал как район. Разброс здесь от пары «Россия — Сибирь» на мелкомасштабных картах⁴, где Сибирь выступает в качестве картографического образа, собирающего все азиатские, удаленные, нецентральные владения империи, почему ее граница с Россией может пролегать, например, к западу от Казани, до карт, отображающих преимущественно административные единицы — губернии, провинции или уезды. В последнем случае может не упоминаться и Сибирь как район — скажем, на картах, где Тобольская провинция соседствует с Казанским царством⁵, или просто отмечены уезды, носившие названия по соответствующим городам. Часть из них, однако, все равно помещается тем или иным образом в сибирский контекст — это касается и разбираемой карты, где контекст задается ее названием, и ряда других произведений, в том числе тех, которые сейчас бы назвали картами горнозаводского Урала⁶. В более простых случаях изображение Сибирской губернии/царства распространяется на территорию современного Урала в прямом соответствии с реальной административной практикой, существовавшей до 1782 г. Подытожи-

³ Картографический образ — устоявшийся комплекс образных и текстовых средств передачи информации, характерный для различных географических объектов — от городов до регионов и всего земного шара. Условно можно выделить визуальные образы, если основной акцент исследователя обращен на цвета, декоративные элементы и способы изображения географических объектов, и топонимические, если акцент делается на устоявшихся сочетаниях региональных, точечных и линейных топонимов. Последние особенно характерны для ранней европейской картографии XVI–XVIII вв., в которой воспроизведение ранее сложившихся топонимических картографических образов было популярным методом отображения малоизученных территорий.

⁴ Например: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Атласы. Д. 12. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 27.

⁶ Достаточно воспроизвести название одной из них: «Ландкарт Пермского, Кунгурского, Верхотурского и прочих Сибирских дистриктов, в которых имеются Ее Императорского величества казенные медные и железные заводы... 1734» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Пермская губ. Д. 3). Это рукописная карта, отражающая примерно ту же территорию, что и «Карта части Сибири...», с тем же отображением уездов, «вотчин баронов Строгановых», и их границ; дополнительное внимание уделено заводам.

вая сказанное, можно заметить, что название карты совершенно неслучайно и соответствует русским представлениям XVIII в. о западных границах Сибири — как в узкоадминистративном смысле, по которому к сибирской юрисдикции относились Екатеринбургский, Верхотурский и некоторое время Кунгурский уезды, так частично и в широком смысле, в котором границы Сибири были более расплывчаты и могли проходить еще западнее. Западная картографическая практика в этом вопросе была осложнена собственными традициями изображения «Тартарии», но с некоторой задержкой все же следовала за русской практикой.

Чем интересна часть Сибири от Соликамска до Тобольска и проблема субрегионов Сибири. Второй вопрос, который можно адресовать исследуемой карте: почему выбрана именно такая рамка? Почему в рамку карты попали Соликамск, Кунгур, Екатеринбург, Пелым, Верхотурье, Туринск, Тюмень и Тобольск, но не попали Сургут или Омская крепость, другие части Западной Сибири?

Первая версия связана с концепцией так называемой Юго-Западной Сибири — столичного региона для всей Сибири в составе Российской империи. Данная концепция скорее рабочая — она удобна для региональной организации данных по истории Сибири XVI–XVII вв., однако некоторая доказательная база за ней также имеется. Это теоретические аргументы об особой роли территории бывшего Сибирского ханства для всей остальной Сибири в первое столетие ее истории, связи официального столичного статуса Тобольска и неформального статуса ближайших к нему уездов, а также о коммуникационном разрыве между уездами Тоболо-Иртышского и Обского бассейнов внутри Тобольского разряда, отчего нельзя, к примеру, считать «столичной» всю его территорию. Юго-Западная Сибирь — наш термин, который также не используется в источниках, предпочитающих для ориентации оперировать названиями городов и уездов, однако территория, выделенная нами, может быть найдена в работах Семена Ремезова, тобольского чиновника, картографа, летописца, архитектора и т.п., составленных на рубеже XVII–XVIII столетий. Ключевое место, с нашей точки зрения, в его довольно обширных произведениях занимает чертеж земли Тобольского города в «Чертежной книге Сибири»⁷. Некоторые свидетель-

⁷ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882. С. 10–11. Здесь обозначены в числе прочих такие регионы, как «Земля Уфимская», «Земля Дербентская» и «Земля калмыцкая», в физический и смысловой центр помещаются территории Верхо-

ства особой роли указанного региона, по нашему мнению, есть и в других источниках — как текстовых, так и картографических, например на карте Царства Сибирского Чичагова и Кирилова 1732 г.⁸ Таким образом, особый интерес составителей Атласа к крайнему юго-западу Сибири, включающему губернскую столицу, также неслучаен.

Но почему в таком случае в рамку карты не попало среднее течение Иртыша с Тарским уездом и другими частями уезда Тобольского? Сдвиг рамки карты на запад для современного читателя объяснить проще: он, безусловно, связан с интенсивным строительством металлургических заводов по обе стороны Уральских гор в первой половине XVIII в., особым вниманием правительства к этому процессу, которое то продавало заводы частным лицам, то выкупало их назад в казну и содержало в Екатеринбургском горнозаводском управлении⁹. Другой вопрос, что в 1730–1740-х годах, когда карты будущего «Атласа Российского...» готовились, собирались и печатались, все эти процессы промышленного развития и освоения территории воспринимались скорее в сибирском контексте, а не в уральском, как сейчас. Наконец, последнее важное обстоятельство состоит в том, что рамка рассматриваемой карты повторяет рамки, возможно, целого корпуса картографических произведений, поверхностно рассмотренного нами по отдельным картам в том же фонде 192 РГАДА¹⁰.

турского, Туринского, Тюменского, Тобольского и Тарского уездов, причем для них работает специфический эффект лупы: в центре листа масштаб становится крупнее, а сам чертеж — подробнее, к краям, где отмечены упомянутые регионы и нижнее Приобье с Березовым, масштаб уменьшается. В правой части чертежа — смещенный узел производства — огромный внесмасштабный значок Тобольска.

⁸ Карта Царства Сибирского. Тобольской провинции нижняя часть... 1732. Карта воспроизводит пространственные акценты вышеупомянутого чертежа Ремезова, используя при этом равномерный масштаб и несколько иную рамку.

⁹ *Иофа Л. Е.* Города Урала. М., 1951. С. 159–162.

¹⁰ Мы нашли шесть карт, изображающих примерно одну территорию с примерно одной целью. Это упомянутый «Ландкарт Пермского... 1734» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Пермская губ. Д. 3); «Ландкарта Екатеринбургского ведомства, Тобольского, Соликамского, Кунгурского, Верхотурского, Туринского, Тюменского, Чердынского, Вятского, Осинского уездов», прим. 1730-е годы; «Карта земель под ведением Екатеринбургского горного Правления», без года (хранятся как две части одной единицы хранения: Ф. 192. Оп. 1. Пермская губерния. Д. 6); «Карта генеральная, сочиненная всем казенным и партикулярным в ведении екатеринбургской заводской канцелярии заводам и с ограничением к ним лесов и сколько в Сибирской, Оренбургской и Казанской губерниям...», 1767–1769 гг. (Ф. 192. Оп. 1. Пермская губерния. Д. 8); «Генеральная карта всем заводам, в Ека-

Отличие состоит в том, что карты из РГАДА можно назвать отраслевыми — они составлены, скорее всего, для нужд горнозаводской администрации, а карта в Атласе 1745 г. — общая, предназначенная для более широкой аудитории, поэтому особого акцента на заводах на ней нет: они теряются среди других типов поселений — сел и слобод.

Так начинается разговор о субрегионах Сибири. Привычное для современных авторов деление Сибири на Западную и Восточную восходит к административной практике XIX в., которая в иных формах была воспроизведена в советское время и поддержана довольно ярким картографическим образом Западносибирской равнины. Однако вряд ли это деление уместно для более раннего времени. Так, для середины XVIII в., на наш взгляд, можно говорить о столичном субрегионе в юго-западной части Сибири, от которого постепенно обособляется крайне западная горнозаводская часть, субрегионе в нижнем и среднем течении Оби (так называемой Северо-Западной Сибири), осваиваемых верховьях Оби с «алтайскими» заводами и верховьях Иртыша, Томско-Кузнецком староосвоенном субрегионе и т.п.

Картографический контекст: каким более ранним традициям соответствует «Карта части Сибири...»? Кроме указанных карт «горнозаводского семейства», на которые похож рассматриваемый лист Атласа, по крайней мере по своей рамке, проекции и частично — по содержанию, есть еще целый ряд картографических произведений, с которыми можно его сопоставить.

В первую очередь надо сказать о картах данной части Сибири, которые предшествовали Атласу 1745 г. и на которые он не похож. Это карты условно «годуновско-ремезовской» традиции¹¹, главная черта которых — организация пространственной информации по речным бассейнам. В отсутствие геодезических инструментов и навыков это был

теринбургской заводской канцелярии состоящим, в Сибирской, Оренбургской и Иркутской губерниях... 1779...» (Ф. 192. Оп. 1. Пермская губерния. Д. 9 — содержит две копии, выполненные в немного отличающейся технике). Все они, несмотря на рукописный характер, могут быть обозначены как типовые и предположительно многократно копировались, в том числе и в промежутке между 1730-ми и 1760-ми годами.

¹¹ Название мы предлагаем по наиболее известным произведениям данной традиции — «Годуновской» карте Сибири и атласам Семена Ремезова; насколько сейчас понятны характеристики этой традиции, ее носителями было сравнительно большое количество анонимных картографов и она представляла собой особый сибирский вариант русской картографической традиции. Подробнее: *Кивельсон В.* Картографии царства: земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.

относительно надежный способ ориентации в пространстве и сопоставления информации чертежей с наблюдаемой частью географического пространства. Линии, похожие на сетку широт и долгот, наносит на чертежи «Хорографической книги»¹² уже Семен Ремезов, хотя есть сомнения, что у него были возможности определять географические координаты для листов этого атласа. С появлением геодезической практики данная традиция продолжает еще некоторое время существовать. Так, дважды упомянутая «Карта Царства Сибирского...» относится именно к ней. К методу отображения основного каркаса пространственной информации внутри материка посредством изображения речных бассейнов прибегает и итоговая карта Второй Камчатской экспедиции¹³, хотя она построена по всем правилам европейской геодезии и предназначена главным образом для отображения береговой линии северо-востока Азии.

Рассматриваемая в работе карта не может быть отнесена к подобному типу: она не только основана на вполне профессиональной геодезической съемке, но и иначе выстраивает образ отображаемой территории. Хотя речная сеть на карте очень подробна (изображено большое количество мелких несудоходных рек, вплоть до притоков Иртыша пятого порядка), она выступает в качестве равноправного элемента наряду с другими — пиктограммами типов ландшафта (горы, леса, луга, болота), равномерно генерализованной сетью поселений, границами уездов, надписями, обозначающими уезды и Уфимскую провинцию.

В цветном варианте территории административно-территориальных единиц обозначены цветовыми полями, что превращает их в один из главных элементов, формирующих восприятие картографического образа территории, цветными линиями обозначены и границы уездов. Все эти особенности роднят рассматриваемую карту, особенно цветную ее версию, с образцами европейской картографии. Метод цветных полей, оконтуренных цветовыми линиями, использовался еще в атласах Меркатора и Ортелия и остается одной из основных визуальных черт европейской картографической семьи традиций (под отдельными традициями мы понимаем «национальные» — голландскую, французскую, английскую и т.п.) XVI–XVIII вв.

¹² Remezov, Semën Ul'ianovich, 1642-ca. 1720. *Khorograficheskaya kniga* [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155> (дата обращения: 19.01.2016).

¹³ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. 598 с.

Пиктограммы, обозначающие элементы ландшафта, весьма популярны в европейской картографии и встречаются уже на самых ранних обзорных картах, не являющихся портуланами. Интересно, что один из видов пиктограмм, обозначающих лесную растительность, воспроизводит в своей «Хорографической книге» и Семен Ремезов, распространяя таким образом одно из изобразительных средств европейской картографии на сибирскую традицию. В целом пиктограмма деревьев / леса — одно из самых популярных образных заимствований в русской картографии первых десятилетий XVIII в., выступающее порой главным «наполнителем» пустых участков карт¹⁴. Рассматриваемая карта использует комплекс изобразительных средств для передачи типов ландшафта и тем самым еще более сближается с наиболее качественными и выразительными образцами европейской картографии начала — середины XVIII в. (наиболее виртуозное соединение методов цветowych полей с пиктограммами типов ландшафта для той же территории, на наш взгляд, демонстрирует карта Тартарии Ж. Делиля 1706 г.; при этом она не является образцом рассматриваемой карты в части методов изображения — тут необходим поиск более близких по времени прототипов, хотя они тоже, скорее всего, относятся к французской традиции).

Вопросы исторической географии транспорта, достоверность и значение «Карты части Сибири...» Рассматриваемая карта, кроме всего прочего, служит одним из источников по исторической географии транспорта XVIII в. в Сибири и на прилегающих территориях. Изображение транспортных путей не является общим местом ни ранней европейской, ни ранней русской картографии, однако специалистам известны две основные дороги на изображенной территории. Это официальный путь в Сибирь, идущий через Соликамск на Верхотурье (так называемая Бабинова дорога), продолжающийся вдоль течения Туры и уходящий далее вдоль Тобола к губернской столице — Тобольску. Вторая дорога — Старая Казанская, официальной не была, использовалась курьерами для ускоренного сообщения, местными жителями, в том числе для нелегальной торговли и т.п.; она шла от Казани на Кунгур, Екатеринбург и вдоль долины реки Пышмы на Тюмень, которая стояла уже на официальном пути.

Существующие исследования этих дорог по путевым описаниям дают нам возможность сравнивать списки населенных пунктов, отмеченных путешественниками второй половины XVII–XVIII вв. и картографами того же времени. Сравнение нескольких путевых описаний

¹⁴ Например: РГАДА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 111.

с чертежами Ремезова как наиболее ранним и подробным сибирским картографическим источником, проведенное нами¹⁵, показало вторичный и компилятивный характер информации, приведенной автором(-ами) чертежей. Похожие результаты были получены и при сопоставлении путевых описаний первой половины — середины XVIII в. с информацией «Карты части Сибири...». Путевые описания в зависимости от сезона и скорости движения путешественников дают, например, для участка официальной дороги между Верхотурьем и Тюменью от 10 до 85 топонимов, большая часть которых — поселения (города, слободы, деревни). Рассматриваемая карта на том же отрезке дает более четырех десятков топонимов (примерно пополам) рек и населенных пунктов. Населенные пункты приведены выборочно — города обозначены все (три), из слобод (центров местности второго порядка) пропущена одна, некоторые мелкие деревни приводятся эпизодически, большая их часть не обозначена. Все это говорит, скорее всего, о генерализации имеющейся у картографа информации, но несколько бессистемной в виду информационных лакун и отсутствия четких критериев, по которым можно было бы отличить более и менее значимые населенные пункты. Порой создается впечатление, что картограф, отметив наиболее важные поселения (города и слободы), далее указывает деревни по принципу сравнительно равномерного, не слишком густого заполнения пространства карты.

В ряде названий деревень и сел сделаны ошибки (например, село Куминово обозначено как Суминово, село Рождественское удваивается, появляясь на своем месте и чуть поодаль), характерные для трансляции информации от местных жителей к внешнему для региона автору(-ам) карты. Кроме того, ряд слобод / сел обозначен не наиболее распространенными, популярными именами, а официальными — по названиям церквей (подобные официальные названия очень редко фиксируются источниками). Наконец, Тюмень отмечена не на правом, а на левом берегу Туры. Поверхностный взгляд местного жителя и специалиста по исторической географии региона на другие участки карты показывает довольно равномерное распределение по ней такого рода ошибок.

При этом надо отметить, что для существующей в середине XVIII в. процедуры составления карт, при ограниченности информации и ре-

¹⁵ Корандей Ф. С., Рассказов С. В. Историко-географический атлас Юго-Западной Сибири: опыт картографирования Тюменско-Верхотурской дороги, 1666–1771. Рукопись. Отправлена в редакцию Известий РАН (серия географическая) в декабре 2015 г.

сурсов, этих ошибок не так много и касаются они в основном второго по значимости информационного слоя — размещения и названий сельских населенных пунктов. Здесь необходимо вернуться к вопросу о функциональном назначении карты — это обзорное произведение, которое не использовали для того, чтобы составить маршрут будущего путешествия (через полвека для этого появятся дорожники, а в рассматриваемый период, как остроумно отметил Фонвизин в известном произведении, действительно, было не обойтись без ямщиков) или посчитать заводы, находившиеся в Екатеринбургском горном ведомстве (для этого были свои карты). Главной целью как рассмотренной региональной карты, так и собрания подобных карт в «Атласе Российском...» для современников была скорее возможность «обозреть умом» как все владения Российской империи целиком, так и ее отдельные территории в деталях, что, соответственно, должно было дать скорее «умозрительный», ментальный, а не практический результат. Человек, изучавший карты Атласа, мог по-новому переживать свою причастность к определенному социальному слою (дворянское служилое сословие), свой статус (образованный человек, который имеет доступ к подобного рода информации и может ее понимать), подданство. Карты Атласа, превращая огромные труднопреодолимые территории в познаваемые образы, как бы отдавали географическое пространство империи в руки его «собственников» или, как минимум, со-собственников, создавали важное для эпохи меркантилизма и просвещения чувство управляемости и податливости окружающей реальности.